

приговору 1504 г., несмешивающее имена еретиков, осужденных на соборах 1490 г. и 1504 г. Соборный приговор 1504 г. до нас не дошел, но, вероятно, долгое время сохраняемый в хранилищах государственных документов, он стал снова известен в XVII в. и послужил основой для пересмотра тенденциозной версии третьего анафематствования и «Просветителя». В послании 1643 г. «О воплощении бога в видимом образе» к боярину С. Л. Стрешневу Иван Бегичев напоминает своему собеседнику о новгородских еретиках, «возбесившихся» именно по этому вопросу. Стремясь отвести от себя подозрение в ереси, Бегичев произносит своего рода анафему: «Иже в нынешних вещах возбесившихся: Федька Курицына и протопопа Алексея и прочих всех стаинников их, иже мудрствовавших безумно и Христа, бога нашего, проста человека и тварюю, и не творцем мнеша быти, и плоть его бездушну, и реша себе на погибель, яко вместо души божество во плоти было и инии же возбесившися и глаголаша, яко и воплощения не было и плоти не восприя господь, но яко в трубу утробу девичею действо богия пройде и вместо плоти привидение и мечты мнеша и прочая иная богомерская и хульная дела их, иконоборство от таковых изъясися».⁵⁷ Далее Иван Бегичев приводит ряд свидетельств из «Просветителя» Иосифа Волоцкого о троице. Одним из источников высказываний Ивана Бегичева был «Просветитель», но вышеизложенное анафематствование не было почерпнуто им из «Просветителя», так как оно ясно разделяет две ереси: Федора Курицына и протопопа Алексея. Это едва ли не единственное подтверждение, правда, в позднем переложении источника XVII в., свидетельства Ивана III, признававшего в 1502 г. в новгородско-московском движении две ереси: Федора Курицына и протопопа Алексея.

Как полагает Я. С. Лурье, основным богословским содержанием новгородской ереси была рационалистическая критика догмата о троице.⁵⁸ Летописный рассказ о соборе 1490 г. приписывает новгородским еретикам мнение, считавшее Христа пророком, «простым человеком», равным Моисею, но не равным богу отцу.⁵⁹ Вероятно, что как в Москве, так и в Новгороде одни еретики могли считать Христа пророком, а другие — вообще не верить в его существование. Но, по всей вероятности, «хулы» на Христа новгородских еретиков (ересь Алексея протопопа) позднее переросли уже в полное убеждение московских еретиков (ересь Федора Курицына) в том, что воплощения бога никогда не было.

Переходим теперь к выявлению личного состава еретических кружков. Из анафематствований, летописей, посланий Геннадия и произведений Иосифа Волоцкого мы можем восстановить поименно 33 участника новгородского кружка.⁶⁰ В числе их было 2 протопопа (Алексей и Гаврила), 11 попов (Денис, Наум, Григорий Семеновский, Ересим Никольский, Максим, Василий Покровский, Федор Покровский, Фома, Павел, Яков Апостольский, Иван Воскресенский), 3 родича попов (Иван Максимов, Гридя Клоч, Иван, сын протопопа Алексея), 10 представителей низшего духовенства (диаки Самсонко, Гридя Борисоглебский, Васюк Сухой, Са-

⁵⁷ А. И. Ядмирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. ЧОИДР, 1898, кн. II. См.: И. Забелин. История города Москвы, часть первая. М., 1902, стр. 395—397.

⁵⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 120.

⁵⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 158.

⁶⁰ По расчету Я. С. Лурье, в новгородском кружке было 27 участников (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 126—127). Несосчитанными, вероятно, остались Иван, сын протопопа Алексея, поп Фома, дьяк Степанко, дьяк Гридя Борисоглебский и некоторые другие.